

Козарушка (Ненависть к нему родителей, отъезд его и освобождение им сестры)

А был-жил Козарушка Петрович млад.
А отець-мать Козары да не [в] любви держать,
А ишше род-племя Козары да ненавидели.
А вырос Козарушка, стал на возрости —
А есён сокол Козара как стал на возлети;
А вырос Козара — стал конём владать,
А конём-де владать, стал копьём шурновать.
А да пошол-де Козара на конюшин двор,
А ише выбрал коня сибе, лошадь добрую,
А да накладывал уздицьку да всё тесмянную,
А накладал где седёлышко трескальцято.
А не видели Козара, как коня седлал,
Только видели Козарушку — со двора съезжал:
А поехал в цисто полё да во роздольицё.
А ездил он в поли ровно триццэт лет,
А не видял Козарушка всё не конного,
А не конного Козара, всё не пешого —
А увидял Козара церного ворона,
Церна ворона Козара на сыром дубу.
А соскакивал Козарушка со добра коня,
А тугой-от свой лук стал натегивать,
А калену-ту стрелоцьку стал направливать.
А спроговорит ворон, птиця вольная:
«А не стрелей меня, Козарушка свет Петрович млад!
А тебе моим мясом не наистисе,
А моёй горячей крови не напитисе!»
Поежжай-ко, Козарушка, во чисто полё
А на те же на шолони окатисты.
Да на тех же на шолонях окатистых
А да стоит тут да их нонь три шатрика.
А во шатру-ту лежат три тотарина,
А три тотарина лёжат три поганые,
Ты поганы лёжат всё неруськие,

А мезду има стоит да девка руськая!»
А на это Козарушка приослушалса:
Да садилса Козарушка на добра коня,
Поежжал-де Козара во цисто полё —
А на те же на шолони окатисты,
Где стоят тут ноньце три шатрика,
А во шатрах-то лёжат три тотарина,
А мезду има стоит девка руськая.
А как стоит тут Козарушка у белых шатров,
А стоит тут Козарушка — всё выслушиват.
А обнимаёт девиця трубцяту косу,
А прицитаёт девиця дэвьей красоты,
А ронит девиця горящи слезы.
А первой-от тотарин слово говорит:
«А не плаць, не тужи, девка руськая!
А если ты мне с делу нонь достаниссе,
А у мя будёшь в доми неукашшиця,
А у мя будёшь в доми нерозряшшиця!»
А другой-от тотарин слово говорит:
А не плаць, не тужи, девка руськая!
Когда ты мне с делу ноньце достаниссе —
А у мя есь-де, лёжит востра сабелька,
А лёжит-то она да ровно трыццэт лет,
А лёжит тут она — да вся поржавела:
А буйной-то главы она не секивала,
А да горящей-то крови не пропускавала!»
А третьей тотарин слово гóворит:
«А не плаць, не тужи ты, девка руськая!
Когда ты мне с делу ноньце достаниссе —
А я бы нонь Вас да нонь на волю спустил!»
А у Козары кровь-то роскипеласе,
А могуци-ти плеча росходилисе,
А ретиво сердцецько стрепёскалосе —
А заехал Козарушка во белой шатёр конём:
А ишше первого тотарина под мець склонил,
А у другого у тотарина голову срубил,
А третьёго тотарина на волю спусти́л.
А он брал-де к себе он девку руськую,
А садил как тут девушку на добра коня,

А сам у девицы всё стал спрашивать:
«А да которого ты города, коей земли?
А какого оцца, какой ты матери?»
А говорит тут девица ему красная:
«А у нас был-жил Козарушка Петрович млад,
Да отець-мать Козары не в любви дёржать,
А ишше род-племя ненавидели...»
А ишше видели Козара, как ко двору едёт,
А не видели Козара, как наза́дь поеха́л.

(Зап. А. Д. Григорьевым 23 июля 1901 г.: д. Печище <Погорельской вол.> — от Рассолова Ермолая Васильевича, 50 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.